

УДИВИТЕЛЬНЫЙ СТАРИК

Анонимный автор

Жил да был один старик,
Жил, как все и каждый,
Кто от женщины рожден
Был на свет однажды.
Был когда-то, вам скажу,
Он совсем ребенок,
Но со временем подрос,
Повзрослел с пеленок.

Мяса требовал, когда
Голоден бывал он,
И проглатывал все то,
Что в рот попадало.
Если пить хотел, то жбан
Хоть какого пойла
Мигом весь в себя вливал
Прямо через горло.

Редко видел он во тьме
Непроглядной ночи,
Слух же даже в темноте
У него был волчий.
Говорят, что днем не спал,
Бодр был будьте-нате,
Но тотчас же засыпал
У себя в кровати.

Шевелил он языком,
Говоря словами,
Ноги двигал, если шел,
В такт махал руками.
Надорвете животы —
Если он шагает,
То одна нога вперед,
То — вперед другая.

Говорят, его лицо
Было очень странным,
Если он его не мыл,
То бывало грязным.
Усмехался — ряд зубов
Рисовался четко,
Рот — межою отделял
Нос от подбородка.

Надо речку перейти,
Но, не зная броду,
Этот малый никогда
Не совался в воду.
Ни за что не рисковал,
Не оставил сушу,
Не тонул, цепляясь за
Гибнущую душу.

Но однажды, говорят,
Вдруг почувал слабость
И, как хроники гласят,
Стала жизнь не в радость.
Несмотря на то, что слаб,
Тверд был в убежденье
И коварным докторам
Не платил ни пенни.

Смерть в конце концов пришла,
Если верить слухам,
От того, что, верь-не верь,
Испустил свой дух он.
Пусть покоится в земле
Тлен его угасший.
Жил бы на день дольше он,
Был бы на день старше.

ПУТИ И ЗАМЫСЛЫ *Льюис Кэрролл (1832 — 1898)*

Я расскажу тебе сейчас,
Хоть я и не пийт,—
Ворота вижу как-то раз,

Старик на них сидит.
«Ты кто,— спросил я. — Кто ты есть?
Тебе ведь лет под сто?!»
Ответ его пролился весь
Водой сквозь решето.

Сказал он: «Видишь, там в лугах
Порхают мотыльки,
Их запекаю в пирогах,
Как средство от тоски.
Продам их тем, кого корабль
Уносит в океан,
И хватит мне — и то едва ль —
На хлеб и эля жбан».

Но размышлял я в те часы,
Как, опахало взяв,
Раскрашу зеленью усы
Кому-то из раззяв.
Почти забыв о мужике,
Я устремил взор ввысь,
Дал старцу палкой по башке
И крикнул: «Эй! Как жизнь?!»

Он, продолжая сказ, изрек:
«Я шел своим путем
И, встретив горный ручеек,
Записывал о том.
Крем для волос с тех давних лет
И стар и млад берут,
Я ж получил лишь горсть монет
За свой тяжелый труд.

Но я обдумывал с тоской,
Как выжить без еды,
И так, слоняясь день деньской,
Тучнел, как с лебеды.
И я поддал ему опять,
Наставя синяков.
«Как жизнь?! — пришлось мне вновь кричать.—
И кто ты есть таков?!»

И молвил он: «Брожу с ружьем,
Где вереск и где топь,
Где рыбий глаз горит огнем,
Презрев тоску и скорбь.
Я навожу последний штрих,
Украшив им камзол,
И тем кормлю девятерых,
Забывших разносол.

То отловлю в реке конфет,
То рачью западню,
А то среди холмов чуть свет
Хомут — я все ценю.
За это можно получить
Пять пенсов или шесть —
Мне хватит, чтобы день прожить
И выпить в вашу честь».

Я, деда слушая, решал
Задачу по плечу:
Чтоб ржавый мост как новый стал —
В вине прокипячу.
«Спасибо, дед,— сказал ему,—
Что ты на свете есть,
Что выпил, вопреки всему,
Жбан эля в мою честь».

И если приключится вдруг,
Что суну пальцы в клей,
И вместо брюк наден сюртук,
Стою, как дуралей,
А утром встал не с той ноги,
И мука душу жмет,—
Бегут, как по воде круги,
Воспоминаний огоньки,
Как дед, законам вопреки,
Вещал и прочищал мозги,
А я, не видевший ни зги,
Лишь различал его шаги,
И речи ровные стежки
Сшивали образов лубки,
И вновь, очнувшись от тоски,
Я видел, как он клал мазки,
Утюжа жизнь, как утюги,
И с дедом тем мы — не враги,
Хоть он не слез с ворот.

ПЕСНЯ БЕЗУМНОГО САДОВНИКА

(из романа «Сильви и Бруно»)

Льюис Кэрролл (1832 — 1898)

Он думал, это в дудку слон
Дудит из полутьмы;
Вновь пригляделся — и узрел
Посланье от жены.
Тут горечь жизни он познал
До самой глубины.

Он думал, бык с кольцом в носу
Уселся на камин;

Вновь пригляделся — и узрел:
Снохи внебрачный сын.
«Прочь! — он вскричал. — Не то примчит
К нам полицейский чин!»

Он думал, что гремучий змей
Вещает, будто грек;
Вновь пригляделся — и узрел
Лишь будущий четверг.
«Как сожалею, что он нем!» —
Задумчиво изрек.

Он думал, с омнибуса клерк
Слезает у ворот;
Вновь пригляделся — и узрел,
Что это бегемот.
«Вдруг у него сейчас обед —
Нам не перепадет!»

Он думал, кенгуру сидит
В кафе среди кастрюль;
Вновь пригляделся — и узрел
Там пригоршню пилюль.
«Когда б я съел их, — он сказал. —
Хворал бы весь июль!»

Он думал, видит экипаж,
Коней, отделки медь;
Вновь пригляделся — и узрел:
Без головы медведь.
«Бедняга, — он сказал. — Ему
Нужна скорее еда!»

Он думал, это альбатрос
Над лампой бьет крылом;
Вновь пригляделся — и узрел
Конверт — видать, с письмом.
«Пора тебе домой, — сказал. —
Туманно за окном!»

Он думал, видит дверь с ключом,
За ней — цветов газон;
Вновь пригляделся — и узрел
Пропорции закон.
«Двойных пропорций тайный смысл
Мне ясен», — молвил он.

Он думал, найден аргумент,
Что Папа Римский — он.
Вновь пригляделся — и узрел
Обмылочек с пятном.
«Надежды, — тихо прошептал, —
Растяжи, как сон».

**ОДА НА СМЕРТЬ ЛЮБИМОЙ
КОШЕЧКИ, УТОНУВШЕЙ
В БАССЕЙНЕ С ЗОЛОТЫМИ
РЫБКАМИ**

Томас Грей (1716 — 1771)

Бассейна борт собой покрыли,
Раскрашены в китайском стиле,
Цветы — лазурью, как во сне.
Селима — шерсть тигровой масти —
Там прилегла умерить страсти.
Вода плескалась в глубине.

Дрожит от счастья умный хвостик;
Мордашка, снег усов, животик,
Нежнейших лап ее вельвет,
Смарагд блестит в зеленых глазках,
Смоль чутких ушек — даже в сказках
Мурлык таких не видел свет.

Вдруг чует — к ним прикован взгляд —
Две рыбки в толще вод скользят,
Два ангельских порфирных тела,
Омыты влажною струей,
Сверкают красной чешуей.—
При виде их оцепенела

Несчастливая, усы торчком,
На лапах коготки крючком,
Желанья, страсти в ней пылают,
От напряжения дрожит.
Как дамам золото претит,
Так кошки рыбку отвергают.

Ах, Кошка! Нет бы ей покой!
Но выгнула хребет дугой —
(Злой рок готовил ей кончину,
Отметив запредельный срок) —
Вдруг поскользнулась, кувырок,
И — головой вперед в пучину.

Семь раз всплывая из глубин,
Спасти молила — ни один
Морской божок не отозвался,
Ни nereида, ни дельфин
И никакой простолюдин
Спешить на крики не пытался.

Красавицы! Неверный шаг
Вам может подсказать лешак —

Обратных нет дорог.
Не только золото блестит,
И искушение манит,
Лишь выйди за порог.

**В ПАМЯТЬ О МАЙКЕ,
МУЗЕЙНОМ КОТЕ*,
умершем 15 января 1929 года
двадцати лет отроду
*Фредерик Чарльз Уильям Хили*****

Музей, где вечно свет неяркий,—
Там миновал порталы, арки,
Там ты вверял часы науке,
На травке — отдавался скуке.
Готов отдать я что угодно,
Чтоб ты бродил здесь принародно,
Но жребий положил предел —
Оплакиваю твой удел.
Да, ты безвременно почил,
Кот из котов — Мафусаил,
Ты завершал двадцатый год,
Когда прервался жизни ход.
Здесь, где царит ученый дух,
Майкл не был к знанию слеп и глух,
Он помнил: Аргус, вечный страж,
Все выстоял, как древний кряж.
Сумев хозяина дожждаться
(Коту почти минуло двадцать!),
Вильнул хвостом, затих — и в смерти
Был всех достойнее на свете,
Ни разу псом не покалечен —
Почил, сим подвигом увенчан.
Сидит на солнце он и дремлет —
Величествен, как Сфинкс иль Сехмет,
И взор его не заискрится,
Мелькнет ли зверь, порхнет ли птица,
И даже голубь-езуит
Ни разу не был им убит,—
Лишь отгонял дурную птицу,
Блюдя незримую границу.
Чиновники ли, населье —
Он всем выказывал презренье,
И если вдруг погладить шерсть

* Майк, один из самых знаменитых котов Британского музея, на протяжении 20 лет, с 1909-го по 1929-й дежурил у входа в музей. За это время он стал настоящей достопримечательностью и обзавелся массой поклонников. Известие о его смерти опечалило многих, в газетах были опубликованы некрологи, а один из хранителей музея даже написал стихотворение, посвященное «старому Майку», лучшему из котов.

** Ф.Ч.У. (Фредерик Чарльз Уильям) Хили — помощник хранителя в отделе печатных книг Британского Музея.

Решится Сфинксу кто ни есть,—
След острых Майковых когтей
Угомонит таких гостей.
И я рискнул лишь только раз
Его коснуться — и тотчас
Он укусил.— «Не будь ослом! —
Мне все твердили. — Поделом!»
Из всей людской толпы двоих
Он выделял — и лишь для них
Мог и мурлыкать, и урчать,
Лишь им давал себя ласкать:
Речь о хозяине, а также
Известном Сэре Эрнсте Бадже*.
Сэр Бадж, скажу вам, без сомнений,
Знаток египетских учений;
Кошачьих мумий пеленанья,
Их амулеты, заклинанья
Магически открыли дверцу
К свирепому котову сердцу.
И каждый день, почтя за честь,
Брал на руки кота Сэр Эрнст,
И в горечи последних дней
Кот друга не знавал верней.
Майк, ты ушел. Прощай! Скорбим.
Хоть был ты дик и нелюдим,
От всех котов — тебе почет.
Покойся в мире, лучший кот!

МАРШЕВАЯ ПЕСНЯ СКОТЧЕРОВ

Томас Стернс Элиот

(1888 — 1965)

Кого только нет среди собачьих племен:
Ирландцы, Валлийцы, Датчане,
Китайцы — носители странных имен,
Голландцы и даже Турчане;
Есть Шпицы с окрасом, как спелый лимон,
Свирепых пород Англичане.
Всем тем, кто проказливо вертит хвостом,
Скажу — даже Хинам отпетым:
Я — Скотчер-малютка, зовут меня Том,
И лучше вам помнить об этом.

Собаки изящно-изысканных форм,
Чванливые, тихого нрава,

* Сэр Эрнест Альфред Уоллис Бадж, английский востоковед и археолог, по окончании Кембриджского университета в 1883 году стал работать в Британском музее, в 1894 году был назначен главным хранителем отдела египетских и ассирийских древностей и занимал эту должность вплоть до 1924 года. В 1920 году за свои многочисленные заслуги Уоллис Бадж был удостоен рыцарского звания. Умер в Лондоне 23 ноября 1934.

Ленивые, слепо жующие корм,
Снующие слева и справа,
Крушители всех поведенческих норм —
Нагрянет вся эта орава;
Скандальным буянам, творящим содом,
Скажу — даже Хинам ответым:
Я — Скотчер-малютка, зовут меня Том,
И лучше вам помнить об этом.

Немало неряшливых, грязных собак,
Капризных, болезненных, нежных,
Сердитых, ворчливых, тупых, как чурбак,
Медлительных и безмятежных.
Но знайте: зачинщиков драк, фордыбак,
При встречах со мною небрежных,
Запомню. Да будь вы последним котом! —
Скажу всем — и Хинам ответым:
Я — Скотчер-малютка, зовут меня Том,
И лучше вам помнить об этом.

Нам Рим завещал свой девиз *save canem**,
С ним Скотчеры жили и живы.
Мы все разьясним, если в вечность не канем,
Что эти два слова не лживы.
Мы лаем и рыком внушать не устанем —
Всем, будь ты хоть дьявол паршивый!
Будь ты человек, пес, будь даже фантом,
Хоть чертом рогатым красуйся! —
Знай: Скотчер-малютка я, звать меня Том,
И ты В ЭТО ДЕЛО НЕ СУЙСЯ!

КОРОВЫ

Томас Стернс Элиот
(1888 — 1965)

Из тварей, расселенных Богом
В пределах Англии родной,
Я не терплю коров — в убогом
Непониманье. Ни одной!
Стою пред ней, как ангел чистый,
С трудом выдерживаю взгляд,
Скорее льдистый, чем лучистый,
Ее глазища — сущий ад.
Я галстук не ношу багровый,
С автобусом совсем несхож;
За что же пялить взор суровый —
Я бледен, а не краснорож.

* *Cave canem* (бойся собаки — лат.) — мозаичная надпись в Помпеях. Употребляется и как предостережение вообще.

С презрением можете заметить:
В корове углядеть врага
Позорно. Я ж готов ответить,
Что слаб, а у нее — рога.
Всего же больше опасуюсь
Бродить с селянками в лугах
И слушать их рассказы, каюсь,
Из жизни телок, о быках.
С селянами коровы кротки,
Бегут, едва завидят кол,
Я ж вырос в городе, я робкий,
Не верю в этот ореол.
Не испугаюсь злого рога,
Когда один хожу в полях,
Напрасно телка смотрит строго —
Все помыслы потерпят крах.
Корова лучше — за забором,
Ну пусть хотя бы за плетнем;
Я не готов стать матадором,
Дам деру — все гори огнем!
А то укроюсь где повыше:
На дубе или же на крыше.

